

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Патриотизм и коллаборационизм
в мировой истории**

КАЗАНЬ

2015

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

П20

*Печатается по решению кафедры всеобщей истории
Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук **Э.В. Рунг**;
доктор исторических наук **Е.А. Чиглинцев**;
доктор исторических наук **Д.В. Шмелев**

Рецензенты:

доктор исторических наук **В.М. Ловчев** (г. Казань, КНИТУ);
доктор исторических наук **С.Г. Карпюк** (г. Москва, ИВИ РАН)

П20 Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / под ред.
Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та,
2015. – 207 с.

ISBN 978-5-00019-481-2

В данной коллективной монографии ее авторы, будучи специалистами по различным периодам всемирной и отечественной истории, впервые в отечественной исторической науке предлагают исследование феноменов патриотизма и коллаборационизма в период от античности и до современности, на основании разнообразного источникового материала. Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников, занимающихся изучением вопросов войны и мира, политических и идеологических процессов в обществе, а также социокультурных процессов во всемирной истории.

ISBN 978-5-00019-481-2

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

© Издательство Казанского университета, 2015

Введение

В современную эпоху патриотизм и коллаборационизм имеют противоречивое звучание в свете различных исторических обстоятельств, послуживших поводом для их проявления в той или иной стране, однако, своими истоками эти два явления восходят к периоду античной истории. Патриотизм изначально возник на основе врожденного чувства привязанности к своей земле и родственникам, далее трансформировался в гражданский патриотизм (в Афинах или в ранней Римской республике), и, наконец, преодолев свои узкие полисные рамки, обрел существование в виде панэллинской идеологии и римского общеимперского патриотизма. В то же время, предательство в античности воспринималось как явление, противное самому духу гражданского коллектива и вызывающее всеобщее осуждение со стороны его членов. В ранней средневековой Европе патриотизм предполагал преданность не только той местности, в которой человек родился и вырос, традициям его большой и малой родины (патриотизм византийского писателя Иоанна Лида), но и лично правителю государства, а предательство, в свою очередь, было тесно связано с понятием государственной измены (норвежские Бонды).

На заре Нового времени патриотизм проявлялся больше как средство формирования национальной идентичности в рамках военно-политической (как это, например, было в Новгороде в 1617 г.) или религиозной борьбы (в реформационной Англии), однако, в дальнейшем он неразрывно связан был с формированием национального государства и строительством империй, коллективной исторической памяти, либеральной или консервативной идеологиями и т.п. Он мог приобретать воинствующие формы (джингоизм в Британской империи), или стать основой взвешенной государственной политики (в годы III Республики во Франции). Причем как европейское, так и восточное общества, оказываются пропитаны духом патриотизма. На Востоке его взле-

ту способствует рост национального самосознания и антиколониализма.

Что касается коллаборационизма, то первоначально его вполне можно ассоциировать с простым сотрудничеством с врагом, которое приобретает массовый характер или является индивидуальным жестом также и в период Нового времени. В этом плане коллаборационизм выступает скорее как предательство, нежели целенаправленная политика. В период двух мировых войн ситуация складывается иначе, когда территории, оказавшиеся во власти войны, испытывают на себе более или менее четкую и осознанную оккупационную политику. Естественно, возникают силы, принявшие сотрудничество с врагом, и силы, вступившие на путь сопротивления. Данный разлом проходит, например, через общество всех европейских стран, затронутых Второй мировой войной (пример судьбы британского фашизма показателен). В этот период понятие «коллаборационизма» стало политизироваться, приобрело самостоятельное значение, стало синонимом осознанного предательства и измены (как в случае Франции, подвергнутой немецкой оккупации), проведения целенаправленной и долговременной политики сотрудничества с врагом. Иными словами, коллаборационизм выступает антиподом патриотизма.

В последние десятилетия в исторической науке можно отметить появление новых исследований истоков и типологии коллаборационизма и патриотизма, попытка отделить осознанный («подлинный») коллаборационизм от повседневного («вынужденного»), который обязано было принять население оккупированных стран, выявив специфику его поведения в «черные годы», дать взвешенную интерпретацию актам предательства и патриотизма, исследовать патриотизм не только в военной или политической сфере, но и в экономической, социальной, культурной.

В данной коллективной монографии ее авторы, будучи специалистами по различным периодам всемирной и отечественной истории, впервые в отечественной исторической науке предлагают иссле-

дование феноменов патриотизма и коллаборационизма в период от античности и до современности, на основании разнообразного источникового материала. В первой главе ее авторы сосредотачиваются на феномене патриотизма, выясняя его смыслы и роль в общественно-политической жизни и идеологии. В центре внимания находятся вопросы, связанные с патриотизмом в классических Афинах, соотношением патриотизма с панэллинизмом при Александре Великом, наконец, патриотизм в раннем Риме и в Византийской империи VI в. до н.э. Религиозные основы формирования французского патриотизма от средних веков до XX в. включительно рассматриваются на материале эволюции культа св. Радегунды. И, наконец, замыкает раздел, посвященный британскому «воинствующему» патриотизму – джингоизму.

Во второй главе подробно уделяется внимание соотношению патриотизма с предательством. Глава начинается с обращения к политикам и политике в классической Ионии, где, как это очевидно, имели место и предательство и патриотизм, однако, в основе тех или иных политических действий все же лежал прагматизм. Средневековый опыт соотнесения двух этих явлений рассматривается на примере Норвегии, а опыт раннего Нового времени – на примере Англии. Последние три сюжета посвящены проблеме выбора между патриотизмом и предательством в истории России, как на примере конкретного деятеля революционной эпохи (А.А. Югова), так и при обращении к отношению к военной службе советской молодежи 1920-х гг. и роли военнопленных-татар в годы Великой Отечественной войны.

Третья, заключительная глава коллективной монографии, посвящена теме коллаборационизма. В начале главы на античном материале ставится вопрос о том, можно ли факты сотрудничества с врагом в Греции и Риме называть коллаборационизмом, а также рассматриваются конкретные примеры такого рода сотрудничества (роль Аргоса в период Греко-персидских войн и традиция о римлянце Корриолане). Российский опыт такого рода контактов исследуется на материале Новгорода начала XVII века. Последние же сюжеты главы

посвящены различным сторонам коллаборационизма в период Второй мировой войны (индийский вариант на примере деятельности Боса и Индийской национальной армии на стороне Японии, а также британский и французский коллаборационизм; в случае последнего делается экскурс в историю сопротивления на территории Франции).

Таким образом, вопросы, которые поднимаются в данной книге, позволят читателю осмысленно подойти к объяснению «вечных» тем – патриотизма и коллаборационизма в мировой истории, и, тем самым, избежать одномерных оценок и однозначных суждений.

Э.В. Рунг, Д.В. Шмелев